

СПЕЦ. ЦЕНА

ЧИТАЙТЕ ВСЕ РОМАНЫ АЛЕКСАНДРЫ МАРИНИНОЙ:

Стечение обстоятельств
Игра на чужом поле
Украденный сон
Убийца поневоле
Смерть ради смерти
Шестерки умирают первыми
Смерть и немного любви
Черный список
Посмертный образ
За все надо платить
Чужая маска
Не мешайте палачу
Стилист
Иллюзия греха
Светлый лик смерти
Имя потерпевшего никто
Мужские игры
Я умер вчера
Реквием
Призрак музыки
Седьмая жертва
Когда боги смеются
Незапертая дверь
Закон трех отрицаний
Соавторы
Воюющие псы одиночества
Тот, кто знает. Опасные вопросы
Тот, кто знает. Перекресток
Фантом памяти
Каждый за себя
Замена объекта
Пружина для мышеловки
Городской тариф
Чувство льда
Все не так
Взгляд из вечности. Благие намерения
Взгляд из вечности. Дорога
Взгляд из вечности. Ад
Жизнь после Жизни
Личные мотивы
Смерть как искусство. Маски
Смерть как искусство. Правосудие
Бой тигров в долине
Оборванные нити
Последний рассвет
Ангелы на льду не выживают
Казнь без злого умысла

Адрес официального сайта Александры Мариной в Интернете
<http://www.marinina.ru>

АЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

ЧУВСТВО
ЛЪДА

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М26

В оформлении обложки использована
иллюстрация Geliographic

Маринина, Александра.
М26 Чувство льда / Александра Маринина. — Москва : Эксмо, 2025. — 640 с. — (А. Маринина. Меньше, чем спец.цена).

ISBN 978-5-699-92018-1

Братья-близнецы Филановские никогда не видели своих рано умерших родителей. Их воспитали бабушка и тетка. И воспитали успешными, энергичными людьми. Еще с занятий фигурным катанием у них осталось «чувство льда», позволяющее им держать равновесие в самых непростых жизненных ситуациях. Однако ни Александр, ни Андрей даже не подозревают о тщательно скрываемых «скелетах в шкафу» — неприглядных семейных тайнах. Близкие позаботились об этом. Но прошлое, затаившись, ждет. И достаточно любой случайности — например, этого нелепого убийства молодой женщины, — чтобы жизнь опасно накренилась и выскользнула из-под ног, как лед из-под коньков фигуриста...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алексеева М. А., 2016
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-699-92018-1

ЧАСТЬ 1

...чувство льда, которое связывают с тонкими ощущениями равновесия на малой опоре (конек), а также ориентировкой в пространстве и времени.
«Фигурное катание на коньках», учебник

Москва, февраль 2006 года

Она уже много лет назад научилась просыпаться ровно за пять минут до звонка будильника, в 5.25. Еще семилетней девочкой Нана вставала в половине шестого, а в семь утра начиналась тренировка. Она не катается больше десяти лет, а привычка осталась, тем более Никита тоже, как и она, занимается фигурным катанием и у него тоже утренние тренировки.

Открыв глаза, Нана, опять же по давно сложившейся привычке, перебрала мысленно предстоящие сегодня дела. Поднять сына, проследить, чтобы сделал зарядку, накормить завтраком его и себя, отвезти на каток. Да, не забыть бы, сегодня двадцатое число — день «обязательного замера». Может, пропустить? Ничего страшного, если она проведет «замер» завтра, очень уж погода неподходящая, в такие дни у нее совсем нет ни сил, ни малейшего желания делать лишние телодвижения. Как говорят спортсмены, она сегодня явно «не в ногах». Нет, ерунда все это, раз установила себе двадцатое число каждо-

го месяца, значит, так и будет. Нечего дурака валять. А то один день пропустишь, второй, третий... А потом спохватишься — и спина уже не гнется. Позвоночник — это здоровье, долголетие, это жизнь. Нельзя запускать.

С семи до девяти у нее свободное время, если поехать от Дворца спорта в сторону работы в семь, то дороги будут еще пустыми и она доберется минут за двадцать. До начала рабочего дня останется полтора часа. Что она собиралась сделать, когда вчера запирала кабинет? Оставила какие-то бумаги на утро? Кажется, нет. Ничего срочного. Совещание, как обычно, начнется в десять. Значит, можно заняться чем-нибудь приятным, например, составить график контрольных проверок на ближайшие три месяца. Составлять графики Нана любила и неукоснительно их соблюдала, это помогало ей поддерживать ощущение стабильности. Пока она каталась, у нее в комнате всегда на самом видном месте висел годовой план тренировочной подготовки, и каждый раз, глядя на него, она думала о том, что как бы ни складывалась жизнь, но за год она должна отдать тренировкам 960 часов, и в июне этих часов будет 43, а в сентябре уже 100, пик нагрузок придется на октябрь, потом наступит соревновательный период, и объем тренировок станет поменьше — нужно беречь силы для выступлений. Потом период соревнований закончится, и в апреле — мае наступит период восстановительный, и будет мало льда, больше отдыха, спортивных игр и общефизической подготовки. И так из года в год. Это вселяло уверенность: не может случиться ничего плохого, она не заболет и не умрет, потому что есть же план, вот он,

составлен тренером и повешен на стенку, и его обязательно надо выполнить. Страх внезапной смерти преследовал Нану Ким с раннего детства, с того самого дня, как умер от бурно развившегося отека легких ее маленький братик, и избавиться от этого страха она так и не смогла по сей день, зато научилась справляться с ним при помощи планов и графиков. Выполнять запланированное означало для нее контролировать свою жизнь, управлять ею, а ведь это так важно. Отец много лет назад говорил ей: «Ты катаешься не для того, чтобы стать чемпионкой, а для того, чтобы научиться управлять своим телом, каждой своей мышцей, каждым самым маленьким сосудиком. Управляя телом, ты учишься управлять собой, а управляя собой, ты будешь управлять всей своей жизнью. Если твоей жизнью не будешь управлять ты сама, это обязательно будет делать кто-нибудь другой».

Значит, составить график проверок по всем объектам и подразделениям, провести совещание... Ой, господи, пора подниматься, уже будильник верещит.

— Никитос! — крикнула она, натягивая трико. — Подъем! На зарядку становись!

Нана с удовольствием взглянула на радостную и совсем почти не заспанную мордашку двенадцатилетнего сына. Ему ранний подъем не в тягость, он так любит кататься, что готов вставать и раньше. Предложи ему тренироваться по ночам — вообще спать не будет, только пусти на лед.

— Тащи сантиметр, — скомандовала она, слегка размявшись и вставая на невысокую скамеечку.

Никита с готовностью принес сантиметр и привычно опустил на колени. Нана наклонилась, плотно сдвинув ступни и выпрямив ноги, стала тянуться вниз. Пальцы рук ушли за край скамейки. Сын замерил расстояние между краем скамейки и кончиками пальцев.

— Шесть сантиметров, — торжественно объявил он.

Хорошо. Значит, позвоночный столб пока еще сохраняет гибкость. Для тридцатипятилетней женщины, давно оставившей спорт, вполне приличный показатель. В период активных тренировок этих самых сантиметров было семь. Но ведь тринадцать лет прошло.

— Точно? — на всякий случай переспросила она.

— Ну... пять и восемь. Я округлил.

— Никитос, — строго произнесла Нана, — спорт не терпит приблизительности. Уж тебе ли не знать.

Никита уныло вздохнул. И без лишних слов было ясно, что она имеет в виду: у мальчика постоянно возникали проблемы с обязательными фигурами, где необходима просто-таки геометрическая точность и выверенность каждого движения до миллиметра. Просто удивительно, как ему удалось выполнить нормативы кандидата в мастера спорта. Конечно, он мальчик гибкий и прыгучий, скольжение у него хорошее, но вот со «школой» беда.

Завтракали молча, как всегда бывало в день утренней тренировки. Никита, унаследовавший от матери стремление ко всему готовиться заранее, еще дома, сидя за столом, мысленно рисовал фигуры, которые ему спустя час придется

рисовать лезвием конька по льду. Впрочем, это ему только казалось, что он рисует мысленно. На самом деле, сам того не замечая, он рисовал чайной ложечкой на поверхности стола. Нана ему не мешала, но внимательно вглядывалась в невидимый рисунок. Вот Никита рисует петлю «вперед-наружу», и Нана явственно «видит», что стартовые дуги пересекают поперечную ось. Неужели у него так плохо с глазомером?

— Ты собираешься так выполнять фигуру? — осторожно спросила она.

— Нет, это я так сделал на прошлой тренировке. Светлана Арнольдовна сказала, чтобы я подумал, в чем ошибка.

— А она сама не сказала тебе?

— Нет, она велела самому подумать. Обещала сегодня сказать, если я сам не додумаюсь.

— Ну и как, додумался?

— Пока нет, — очень серьезно ответил Никита. — Вот думаю.

— Ладно, думай, — вздохнула Нана.

Другие времена, другие нравы, другие тренеры. Когда ей было столько, сколько сейчас Никите, ее тренер исправлял ошибки сразу же и таких домашних заданий не давал. В те времена боялись, что закрепится неправильный стереотип движения. А сейчас что, не боятся? Или появились новые школы тренерской работы? За тринадцать лет много воды утекло... Нана до сих пор общается со своим тренером, но та учит спортсменов по-старому, а Светлана Арнольдовна совсем молодая. Может, и вправду теперь работают по-другому. Светлана Арнольдовна! Смешно. Когда Светочка Лазарева в семь лет начинала заниматься в учебно-тренировочной

группе, Нана Ким уже была в составе юниорской сборной страны.

Она быстро убрала со стола, вымыла посуду, оделась, накрасилась. Внимательно и придирчиво, как и каждый день, оглядела свое отражение в зеркале. Ну и дал же бог ей внешность! Нарочно не придумаешь. Отец, кореец из Казахстана, наградил дочь раскосыми темно-кариими глазами, широкими скулами, жесткими прямыми волосами цвета воронова крыла и сухощавым компактным телом с сильными мышцами. Мать, наполовину грузинка — наполовину молдаванка, подарила крупный нос с горбинкой, который Нана ненавидела, красиво изогнутую верхнюю губу и потрясающую кожу, которую Нана считала своим единственным достоинством. Сколько же времени ей приходится каждый день проводить за макияжем, чтобы лицо не казалось таким широким, а нос — таким большим! Хорошо хоть с фигурой пока еще все в порядке. Просто удивительно, почему мужчинам так нравится ее внешность, которая ей самой кажется далеко не самой удачной.

К Дворцу спорта они подъехали без десяти семь.

— Ну что, Никитос, решил задачку?

— Нет. Может, подскажешь?

— Ладно, — засмеялась Нана, — подскажу.

Когда ты заканчиваешь круг, в момент переходного толчка, ты вместе с опорной ногой поворачиваешь бедро свободной ноги. Это ошибка. Свободную ногу надо оставлять строго над следом. Понял? Помнишь, у тебя в простых кругах при старте назад-наружу перекрещивались стар-

товые дуги? Это была та же самая ошибка. Следы за свободным бедром.

— Точно?

— Точно, — уверенно ответила Нана.

Уж у нее-то со «школой» всегда был полный порядок. Кроме характерной внешности, она унаследовала от отца, чемпиона Европы по спортивной гимнастике, отличную координацию, умение чувствовать каждую мышцу и владеть ею, полностью контролировать свое тело.

Она развернулась на сиденье, подала сыну лежащую сзади сумку с формой, коньками и учебниками: после тренировки Никита побежит в школу.

— Пока, сынок, до вечера.

Он уже почти вылез из машины, но вдруг остановился и повернулся к ней:

— Mam, если ты так хорошо все знаешь, почему же ты не стала чемпионкой?

— Чемпион, сынок, это не только отличная подготовка. Чемпион — это особенный характер. У меня такого не было.

— А у меня есть?

— У тебя есть, — засмеялась она. — Пока, чемпион.

Нана вела машину по темной зимней Москве и улыбалась. У нее действительно было почти все для того, чтобы стать чемпионкой. Именно почти, потому что не было самого главного: честолюбия и склонности к борьбе. Целеустремленность, собранность, трудолюбие, умение мобилизоваться и контролировать себя — эти необходимые для фигуриста качества у нее были даже в избытке, а вот честолюбия и желания бороться за первенство не было совсем. Она

просто любила кататься, наслаждалась каждой минутой пребывания на льду, радовалась, когда ее хвалили, но никогда не стремилась побеждать в соревнованиях и быть первой. Может быть, именно поэтому в ней всегда ценили то, что называется соревновательной надежностью: у Наны Ким никогда не сдавали нервы, она была на удивление стабильной спортсменкой, но при этом даже при лучших своих прокатах оставалась второй или третьей. Первой — никогда, даже если находилась на пике формы. В ней не было азарта и склонности к риску, ей было все равно, какое место занять, и в соревнованиях она участвовала только потому, что «так надо», так принято, иначе вообще кататься не дадут, отлучат от льда и возьмут в группу более перспективного спортсмена. Нана хорошо помнила, как много лет назад к ним на тренировку пришел знаменитый в те годы тренер, подготовивший нескольких олимпийских чемпионов. Все в группе знали, что он пришел высматривать талантливых ребят, и всем ужасно хотелось ему понравиться. Во время разминки в зале их тренер Вера Борисовна всех предупредила о том, что придет «сам», а потом отозвала Нану в сторонку.

— Скажи, ты хочешь быть чемпионкой? — заговорщическим шепотом спросила она.

— Нет, — честно ответила девочка, — не хочу.

— Почему?

— Не знаю, — пожала плечами одиннадцатилетняя Нана. — Не хочу, и все. А зачем?

— А чего же ты хочешь? Зачем занимаешься?

— Хочу просто кататься. Мне нравится.

Вера Борисовна мягко улыбнулась:

— Ты просто еще маленькая. Я хочу тебя предупредить: если сегодня ты понравишься «самому» и он возьмет тебя к себе, никогда и никому не говори, что не хочешь быть чемпионкой. Иначе тебя не будут тренировать, и ты не сможешь кататься. Поняла?

Нана сосредоточенно кивнула. Ладно, она никому не скажет. Нельзя так нельзя. Слово тренера — закон.

«Сам» простоял у бортика два часа и ушел. А через месяц в их группе осталось вместо пяти человек только четыре: великий тренер отобрал для своей группы очень талантливого мальчика. Мальчик этот стал впоследствии олимпийским чемпионом в танцах на льду. Тогда Нана еще мало что понимала в жизни, она просто тихонько порадовалась, что не нужно лгать, что-то скрывать, а главное — не нужно менять тренера и привыкать к новым порядкам и новым людям. Теперь же она точно знала, что, даже если бы «сам» ее тогда забрал к себе, она все равно не стала бы чемпионкой, несмотря ни на его бесспорный тренерский талант, ни на свои способности. Чемпион — это характер.

— Просто поразительно, — тихонько вздыхала тренер Вера Борисовна. — При таких родителях у девочки нет ни капли честолюбия и стремления быть первой. Ну как такое может быть?

Под «такими родителями» подразумевались папа и мама — чемпионы по спортивной гимнастике. Нана тогда сделала вывод, что не иметь честолюбия — плохо, стало быть, это стыдно, это недостаток, который надобно тщательно скрывать, чтобы ее не сочли неполноценной. Она не хотела огорчать Веру Борисовну, к которой бы-

ла привязана всей душой, и честно, в полную силу каталась на соревнованиях, но все равно оставалась второй или третьей, потому что для победы нужно еще и желание победить, которого у Наны никак не обнаруживалось. Но главную свою задачу она выполняла: входила в десятку, потом в пятерку, потом в тройку сильнейших, скрывая от всех, кроме тренера, свой главный дефект — отсутствие стремления побеждать. Все, что она делала, она старалась делать на «пять с плюсом», но ей никогда не хотелось, чтобы ее пятерка с плюсом оказалась весомее, «круче», чем у других.

Зато Никита, слава богу, пошел не в нее. Он в свои двенадцать лет достаточно стабильно выполняет пять тройных прыжков и изо всех своих мальчишеских сил борется с тройным акселем — единственным прыжком, который пока еще получается плохо. У него есть кумир, он хочет быть «как Плющенко», который в таком же возрасте безошибочно исполнял все шесть прыжков. Да, здесь ее сынишка пошел в отца, у того честология — хоть лопатой выгребай...

* * *

К концу совещания Нана почувствовала, что утреннее ощущение «не в ногах» было не случайным. В горле першило, разболелась голова, начали слезиться глаза. Черт, неужели грипп? Надо бы уйти домой и срочно приняться за лечение, но она столько всего напланировала на сегодня... Она перелистала ежедневник, отметила крестиками дела, которые можно перенести на три-четыре дня, а галочками — те мероприя-

тия, которые перенести никак нельзя. Таких оказалось всего два, одно намечено на 13.30, второе — на 17.00. Сейчас без четверти двенадцать. Нана быстро прикинула расклад и попросила секретаря созвониться с человеком, встреча с которым назначена на 17.00, и попробовать договориться с ним на более раннее время. Отстреляться — и домой, нечего по всему издательству бациллы разносить.

— Нана Константиновна, вас хочет видеть Любовь Григорьевна, — сообщила секретарь Влада.

— Какая Любовь Григорьевна? — недоуменно нахмурилась Нана.

— Ну Любовь Григорьевна, — повторила Влада специальным голосом, который прорезался у нее всегда, когда речь заходила о владельце издательства Александре Филановском и членах его семьи. В данном случае речь шла о тетке шефа.

— Ах да. А что случилось?

— Не знаю. Она позвонила из машины, сказала, что уже подъезжает, и хотела бы с вами переговорить.

— Конечно, Влада. Я буду у себя. Как появится — проводи сразу же. И сделай мне чаю погорячее, с лимоном.

Положив трубку, Нана достала из ящика стола зеркало. Боже мой, ну и видок у нее! Глаза красные, лицо отечное, нос, и без того немаленький, стал, кажется, еще больше. Ну точно, у нее либо грипп, либо сильная простуда. И как быстро эта хворь на нее налетела! Ведь еще два часа назад, перед началом совещания, она смотрелась в зеркало и ничего необычного не увиде-

ла, более того, даже осталась довольна своим внешним видом.

Влада принесла чай, который Нана выпила медленно, маленькими глоточками. Глаза заслезилась еще сильнее, но горло, кажется, поухло. Может, послать Владу в аптеку, пусть купит что-нибудь подходящее, болезнь лучше всего задавливать в самом начале, тогда с ней легче справиться. Она снова потянулась к телефонной трубке.

— Влада, раздобудь мне какое-нибудь лекарство от простуды и гриппа.

— Это для вас?

Вопрос был не случайным, девушка хотела выяснить, нужно ли бежать в аптеку срочно, прямо сейчас, или лекарство требуется начальнице в принципе, к моменту ее ухода с работы.

— Да, я что-то расклеиваюсь прямо на глазах. Тебе удалось договориться о переносе встречи?

— Да, Нана Константиновна, они приедут к трем.

— Спасибо.

Ну вот, уже легче. В четыре она, бог даст, освободится и поедет домой. Нана открыла ежедневник и просмотрела записи до конца недели. Надо все разметить и оставить Владе, она знает, что нужно делать в таких случаях. Она уже занесла над страницей карандаш, когда поняла, что ничего не понимает. Видит каждую букву в отдельности, но как-то не очень отчетливо, и в осмысленные слова эти буквы ну никак почему-то не складываются. Температура поднялась, что ли?

В приемной слышались тяжелые уверенные шаги, запахнулась дверь, и на пороге кабинета возникла тетка шефа, Любовь Григорьевна.

евна. Высокая, худая, дорого и модно одетая, она все равно казалась суровой и бескомпромиссной «училкой», которую дети боятся и ненавидят. Стильно подстриженные седые волосы, холодные глаза за стеклами очков в оправе от Шанель, жесткие сухие губы, и вся она — олицетворенная требовательность и строгость.

— Добрый день, Нана. У вас найдется для меня четверть часа?

— Проходите, Любовь Григорьевна, — Нана жестом указала на мягкое кресло. — Я вас слушаю. Что-то случилось? У вас претензии к охране или к водителю?

Это было единственное, что пришло ей в голову, когда Влада сказала, что Любовь Григорьевна хочет зайти. Ну а зачем еще ей заходить к руководителю службы безопасности крупного издательства? Вряд ли доктора педагогических наук могут заинтересовать чисто коммерческие нюансы приобретения ее племянником типографии в Подмосковье или далекоидущие планы по переманиванию перспективных авторов. Наверняка все дело в охране или водителях, которые находятся в ведении Наны Константиновны Ким.

Филановская тяжело опустилась в кресло, но тут же выпрямила спину, сдвинула колени и посмотрела на Нану взглядом одновременно отрешенным и надменным.

— Нет, у меня дело конфиденциального свойства. Но прежде чем я его изложу, вы должны дать мне слово, что мои племянники ничего не узнают.

— Если это касается работы издательства, то я такого слова дать не могу.

— Работы издательства это никоим образом не касается. Это внутрисемейное дело.

— Тогда почему вы пришли ко мне, Любовь Григорьевна? Я — начальник службы безопасности издательства, а не семейный адвокат и не нотариус.

Больше всего в этот момент Нане хотелось отделаться от посетительницы. Головная боль быстро нарастала и стала уже почти непереносимой, кроме того, заложило нос и начался озноб. Если у внезапно заболевшего организма еще остался какой-то ресурс прочности, то его нужно поберечь для двух деловых встреч, которые никак невозможно отменить, и было смертельно жалко тратить этот драгоценный ресурс на какое-то внутрисемейное дело. Как на соревнованиях, мелькнуло в голове у Наны, когда неудачно упадешь и чувствуешь острую боль в колене или бедре при каждом движении, и понимаешь, что осталось откатать еще половину программы, и в этой второй половине, помимо всего прочего, два сложных прыжка и одно вращение, и ты просто не выдержишь такую боль, если постараться выполнить все запланированное, и нужно быстро, на ходу, перестраиваться и решать, какие элементы попытаться все-таки выполнить, а какие упростить, чтобы сохранить силы для сложных, за которые судьи дадут побольше баллов. Например, вместо каскада из двух тройных прыжков прыгнуть «три — два», тогда хватит сил сделать во вращении больше оборотов.

— Вы — начальник службы безопасности, — ровным голосом повторила за ней Филановская, — и это позволяет мне надеяться, что в ва-

шем распоряжении есть сотрудники, умеющие выполнять деликатные поручения. Ведь есть?

— Есть, — кивнула Нана. — О каком поручении идет речь?

— Нужно найти одного человека.

— Зачем?

— Он... — Филановская на мгновение задумалась, словно подыскивая приемлемую формулировку, — он, скажем так, обладает сведениями, разглашение которых может нарушить мир и спокойствие в нашей семье. Это не имеет отношения ни к деньгам, ни к бизнесу, это абсолютно внутрисемейное дело, из-за которого мы все при неблагоприятном исходе можем перессориться.

— И все-таки, Любовь Григорьевна, кто этот человек? — настойчиво спросила Нана.

— Речь идет об отце моих племянников.

Фу-ты, господи, ерунда какая, а она уже испугалась. Значит, об отце. Ладно, с этим она как-нибудь справится.

— Вот, — Любовь Григорьевна протянула Нане заклеенный конверт, — там все сведения, которыми я располагаю. Больше мне ничего не известно. Разумеется, работа будет должным образом оплачена. И еще раз позволю себе напомнить, что мои племянники не должны об этом знать.

Нана молча взяла конверт. В голове мутилось от боли, глаза почти ничего не видели. Пусть Любовь Григорьевна уже скорее уходит.

— Вы нездоровы? — В голосе Филановской прозвучало неподдельное сочувствие. — У вас совершенно больной вид.

— И самочувствие такое же, — Нана попыталась улыбнуться. — Как вы собираетесь скрыть

от Александра Владимировича свой визит ко мне? Вас же куча народу видела в издательстве, и водитель, который вас привез, знает, что вы здесь были, и моя Влада знает, что вы приходили ко мне.

— Об этом не беспокойтесь, я сейчас зайду к Саше, у меня к нему дело. Вы же знаете, перед Восьмым марта он устраивает корпоративную вечеринку, и мне нужно обсудить с ним ряд вопросов. Я скажу, что заходила к вам.

— Зачем?

— Жаловалась на водителя. Мне не нравится, что он постоянно нарушает правила. Нас часто останавливают, и приходится терять кучу времени на объяснения с сотрудниками ГАИ. Или как оно теперь называется?

— Он действительно ездит с нарушениями? — обеспокоенно спросила Нана.

— Разумеется. Но теперь все так ездят. И разумеется, мне это не нравится. Я не хочу попасть в аварию.

— Вы хотите, чтобы вам заменили водителя?

— Я думаю, для первого раза будет достаточно, если вы сделаете ему внушение. Благодарю вас. Всего доброго.

Филановская поднялась и вышла из кабинета, громко стуча каблуками. Нана озадаченно посмотрела ей вслед и даже нашла в себе силы усмехнуться сквозь боль и озноб. Да уж, доктор педагогических наук.

Через несколько минут вернулась из аптеки Влада, высыпала на стол перед начальницей горку каких-то таблеток, порошков и микстур.

— Влада, детка, давай-ка сама, — слабым го-